

УДК 502.35

**ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕРМИН «СТЕПЬ»:
ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ, РАСПРОСТРАНЕНИЕ**

© 2025 г. А.А. Тишков* **

*Институт географии РАН

Россия, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4. E-mail: tishkov@igras.ru

**Институт наук о Земле Белгородского государственного национального
исследовательского университета

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Поступила в редакцию 29.01.2025. После доработки 01.02.2025. Принята к публикации 01.03.2025.

Статья посвящена вопросам генезиса и трансформации понятия «степь». Показано, что исходно этимология термина касалась положения в рельефе и безлесности и в целом соответствовал «степной прародине» индоевропейских народов и языков. Выявлен дуалистический характер термина, который отразился на его толковании в древних литературных и научных источниках. Прослежено многообразие значений «степь» как орографического термина, его соотношение с понятием «поле» и особенности перехода в разряд ландшафтных понятий. Впервые сделана попытка объяснения распространения термина с помощью результатов междисциплинарного синтеза генетиков, лингвистов и археологов и их оценки времени становления и расселения индоевропейских народов.

Ключевые слова: степь, дикое поле, семантика термина, происхождение, распространение, индоевропейские языки, степная гипотеза.

DOI: 10.24412/1993-3916-2025-2-4-12

EDN: CSWEDY

В 2024 году исполнилось 75 лет выдающемуся ученому-географу, основателю, многолетнему директору, а ныне – научному руководителю Института степи УрО РАН, академику Александру Александровичу Чибилеву. Это событие побудило автора вернуться к вопросу о происхождении географического понятия (общем представлении) и термина (его семантике) – *степь*. Еще Э.М. Мурзаев (1984) обратил внимание на наблюдения А.Н. Шренка (1850) на севере России, который писал: «...Степями в Мезенском округе называются плоские безлесные возвышенности, простирающиеся кряжами среди лесных равнин...» (Мурзаев, 1984, с. 368). Но там же, ссылаясь на этимологическое сопоставление В.А. Меркуловой (1968), степь – с укр. «stipa, stьpa» – это «поросшая травой возвышенность», «безлесная гора», он убедительно показывает, что в прошлом «степь» была понятием орографическим и «утратило значение возвышенности», но сохранило признак «открытого безлесного места».

С.В. Левыкин с соавторами (2024), развивая представления о происхождении понятия «степь», только добавили вопросов к тому, что до настоящего времени в этой области знаний сделали специалисты в топонимике, лингвистике и географии. Правильное заключение коллег о том, «...что степная терминология имеет разные значения в разных...» (Левыкин и др., 2024, с. 8), сопровождается вполне справедливым выводом о содержания понятия «степь» – «...этимология слова до сих пор остается неясной» (Левыкин и др., 2024, с. 6). Автору это напомнило реплику Э.М. Мурзаева: «Наименования основных ландшафтных подразделений, географических зон: тундровой, таежной и лесной, степной, пустынной – получили «путевку в жизнь» от таких родовых терминов. В их ряду тюрко-монг. тайга, финно-угор. тундра, индоевроп. лес, рус. пустыня. Неясным оказывается слово степь» (Мурзаев, 1970, с. 18).

В.А. Бушаков и Н.Е. Дрогобич (2003) обратили внимание на необходимость расставить точки на «i» в происхождении названия «степь» как ландшафтного термина и связывали переход орографического термина в ландшафтный с появлением «...осевших в степях казаков...». В дискуссии тогда нами была высказана гипотеза о связи старта распространения ландшафтного понятия «степь» на Русской равнине с отказом от географического понятия «поле» как степного

пространства.

Масштабы распространения степей, их современного ареала, огромные – полоса Евразийской степи (т.н. Великой степи) занимает более 6 тыс. км с запада на восток и около 1 тыс. км с севера на юг. Не будет ошибкой признать, что степь стала прародиной многих народов, как кочевых, так и земледельческих – славянских, тюркских, монгольских, иранских и финно-угорских (Клейн, 2017). Как историко-культурный и экономический регион Северной Евразии она по сути выступает и сейчас «осью жизни», на которой сосредоточено основное население, промышленный и аграрный потенциал многих стран континента, в т.ч. России. Эти аргументы только добавляют актуальности рассмотрению вопроса генезиса понятия «степь», его распространения и трансформации как географического термина.

Развитию географических (ландшафтных) представлений о происхождении, распространении и эволюции термина «степь» и юбилею ведущего исследователя степей России академика А.А. Чибилева и посвящена настоящая статья.

Материалы и методы

Материалами для данной статьи послужили многочисленные публикации коллег-географов (Мурзаев, 1970, 1974; Чибилев, 1990, 1992, 1998), данные с сайта «Сохранение степей в России» (2015), а также известные словари и справочники – лингвистические, географических понятий и терминов (Мурзаев, 1984; Даль, 1863), этимологические (Фасмер, 1986), историко-этимологические (Черных, 2009), историко-литературоведческие (Слово ..., 1984). По мере синтеза первичных материалов возникала потребность в анализе некоторых частных публикаций, детализирующих рассмотрение степной терминологии. Как в случае с работой С.В. Левыкина с соавторами (2024) и предшествующими ей публикациями А.А. Чибилева (1998), основными методами исследования являются сравнительно-географический и семантического анализа, изучение контекста, словообразования в русском и других языках. В некоторых случаях для сравнения применялся комплексный анализ основообразующих формантов термина «степь» в рассматриваемом языке.

Основное внимание в анализе направлено на понимание трансформации понятия «степь» в русском языке. Но подчеркнем, что данная статья не лингвистическая и топонимическая, а сравнительно-географическая, позволяющая увидеть переход русского термина от орографии в семью ландшафтных терминов по мере аграрного освоения степной зоны.

Попытки соединения геногеографической, этнографической, археологической и историко-лингвистической информации в рамках географической интерпретации «степной гипотезы» возникновения индоевропейской общности Евразии проведены в соответствии с новыми междисциплинарными взглядами (Haggarty et al., 2024).

Результаты и обсуждение

Дуалистическая семантика географического термина «степь». Анализируя представления о понятии «степь», особенно в зарубежных источниках, приходит понимание, что не было бы столько неопределенностей о его происхождении, если бы переводчики осознавали культурный и лингвистический контекст этого географического термина, который может иметь как минимум двойное толкование – как элемент рельефа и как элемент ландшафта. А еще геоботаническое, этнографическое, историко-культурологическое и теологическое. В последнем контексте «степь» может быть синонимом понятия «рай» или «Eden», которое происходит от аккадского «*edinu*», от шумерского «*eden*» – богатая и плодородная равнина, степь. Отсюда и попытки анализа первого упоминания слова «степь» в пьесе «Сон в летнюю ночь» В. Шекспира: «*Come from the farthest Steppe of India?*» Хотя понятно, что в данном случае «*Steppe*» – это «райская природа» далекой Индии.

В старых источниках, особенно в латинских, можно встретить словосочетания «*planities arenostepposa*», «*planities stepposa*», «*campus planus herbosus*». К примеру, итальянец Александр Гваньини в «Описании Московии» (Guagnini, 1578) именовал степных татар как «*tartarorumque campestrium*» и как угрозу народам преимущественно лесной Руси с юга (О происхождении ..., 2024).

Главная трудность перевода слова «степь» заключается в том, что в словарях большинства

европейских стран, в т.ч. славянских, этот термин имеется, а самих степей на территории страны и даже их реального образа у населения – нет. Поэтому воссоздание многообразия языковой картины мира и лингвистической реальности через конкретный термин «степь» требует дополнительного осмысления. Например, через поиск места его зарождения и путей распространения в рамках очерчивания ареала народов и языков индоевропейской общности согласно «степной гипотезе» (Naak et al., 2015; Allentoft et al., 2015) и ее новой синтетической интерпретации (Haggarty et al., 2024).

Хорошо, когда сопоставление и перевод термина осуществляется с/на языки стран, где степи, как равнинные или горные ландшафты, представлены в реальности: например, на арабские, тюркские, монгольский и другие языки. Здесь у каждого народа имеются свои «кусты слов», ее обозначающих: в тюркских языках – tala, dala, talā, çöl, sü, şöl çöl, kır, yastı; в монгольских – тал, хөддө, хээр, ховц, говь, гөби. В большинстве случаев термин обозначает природное травяное пастбище. А это значит, что исходно в этих языках было конкретное представление о том, что есть степь.

В латинском языке, на котором писались многие географические труды в средние века, описывающие природу далеких стран, в т.ч. и Руси (Московии), слова «степь» как такового не было. Например, книга «Ioannis Bssilidis Magni Moscoviae Ducis Vita» (Одерборн, 2024) – первая европейская биография Ивана IV Грозного (1533-1584), написанная Паулем Одерборном (1550-1604), которая впервые вышла на латинском языке в Германии в 1585 г. Она представляет интерес как памятник литературы, историческое сочинение и образец политической пропаганды эпохи Возрождения. В ней мы встречаем слово «степь» в контексте «...миновав казанские и астраханские степи...» (Одерборн, 2024, с. 18), но уже при переводе с латинского «tesqua», которое использовалось в 1596 г., на немецкий «sterpe».

Если искать первые упоминания понятия «степь» в отношении Европейской России, то резонно было бы обратиться к книге Сигизмунда Гильберштейна «Записки о Московии» 1549 г. (Гильберштейн, 2008), но он, хоть и мыслил Московию частью степной Золотой Орды, определил в ее составе регионы лесной зоны. И даже при описании низовий Дона степей «не увидел». Он первым ввел в географическую литературу евроцентрические взгляды на Россию, написав, что Москва расположена в Азии, а не в Европе, и дал старт тенденциозному противопоставлению «Россия и Европа».

Украинские авторы В.А. Бушаков и Н.Е. Дрогобыч (2003) настаивали, что термин «степь» в речи терских, донских и запорожских казаков бытовал уже в XV в., а ранее – у поляков. О казаках польские летописи упоминают с конца XV в., однако, к примеру, в «Хронике польской» Марцина Бельского (Bielski, 1957), доведенной до 1598 г., степи как типичные ландшафты юга России не упоминаются, – только «дикое поле» (пол. «Dzikie Pole»). В «Описании Украины» Гийома Левассера де Боуплана (De Beauplan, 1660), французского инженера, строившего на Днепре фортификационные сооружения против казаков, пишется о степях как о «les campragnes» и «les champs» – полях, равнинах. И в «Летописи, или Хронике различных дел и событий» Иоахима Ерлича (Jerlicz, 1853), охватывающей период с 1620 по 1671 гг., нет этого слова, хотя в России оно уже было в ходу. И даже в переполненной заимствованиями из всех языков поэме-эпосе «Война домовая с казаками...» слово «степь» не встречается. Только в т.н. «казацких» летописях конца XVII – начале XVIII вв. оно стало употребляться часто (Бушаков, Дрогобыч, 2003).

«*Степь*» как *орозрафическое понятие* у Э.М. Мурзаева (1984, с. 213) в русском языке отмечена так: «плоская безлесная возвышенность, водораздел, междуречье», в украинском «степа» – «обрыв, скала, гора», а в древнерусском – «ступень, порог, подножие, возвышенность». Смысловой перенос первичного значения слова – «хребет, спина, холка быка, коровы, лошади», «спина борзой собаки» (Меркулова, 1968). К этому же можно отнести и понятие «степа» – «спина», «хребет» в новгородских диалектах и «степа» – «обрыв, скала, гора» в карпатских говорах украинского языка. В конце очерка «степь» Э.М. Мурзаев отсылает нас к понятию «тап» – «...ровное, плоское поле», «тап астан» – степь (арм.), «тапа» – «пространство, пустырь» (хинди; Мурзаев, 1984, с. 235).

В поиске форманта понятия «степь=сьтеп» легко выйти на представленные во многих индоевропейских языках слова: в древне-русском – «топтать», «стоптанное», «вытопанное место», «тепти» (вырубленное место, бить, топтать) и сътеп – «то, что простирается», «простор», в литовском – stieptis, staipūtis (вытягиваться), латышском – stiept, staipīt (тянуть, тянуться),

осетинском – t'æræp (плоский, ровный), в иранском – tap, (s)ter (плоский). Что и в каких языках первично? Сказать сложно. Но на наш взгляд, искать в данном случае аналоги словообразования в тюркском языке от «tapaп ~ tabaп» (подошва; плоское место) не вполне логично.

В русском языке много однокоренных слов, ассоциированных с понятием «степь», как геоморфологическими и сопряженными с ним понятиями – стоп, ступень, уступ, вступление, наступление (не только как военное действие), поступь, ступя, ступай, ступица (элемент колеса, известного у степных евразийских народов с эпохи бронзы), ступа (сравните с санскритским stūpa – «макушка, куча земли, камней, земляной холм», но одновременно «буддийское культовое сооружение», прообразы которого прослеживаются в степных курганах; Хижняк, 2008). В нашем представлении, геоморфологический смысл понятия заключается в том, что, как элемент степной катены, степь имела конечное положение при движении из поймы реки на водораздел, где после постепенного поднятия – от низкой поймы через облесенные террасы – встречаешь «последнюю ступень» и выходишь на относительно ровный водораздел с травянистой растительностью. Поднимаешься из долины реки, и вот она последняя ступень=степь. Не всегда понятен формант термина от того, что первично слово отвечало не на вопрос «что это?», а на «где ты?» – (в/у/на)степи, «куда ты?» – (в/на)степь, «откуда ты?» – (с/из)тепи. Тогда понятна и суть географического явления «степь» – то, что на следующей ступени, за порогом – (у)ступом, когда выходишь из долины рек и ступаешь «в степь».

Трансформация понятия «поле» в понятие «степь» в России. Дикое Поле (укр. «Діке По́ле», пол. «Dzikie Pole», лат. «Loca deserta») во многих историко-географических источниках рассматривается как тысячелетний топоним, обозначающий область междуречий Днестра, Днепра, Дона и Волги. Древние степные топонимы оказывается надо искать вдали от реальной степи. Например, Steere (Стип) – это название деревни и гражданского прихода в Хэмпшире, Англия (известна под таким названием с XI-XII вв.). Подобных ориентиров много и в других регионах распространения индоевропейских языков: Стип-Пойнт – мыс в Австралии, Стипаничи – деревня в кантоне Х Федерации Боснии и Герцеговины, Штип (štip) – город на востоке Северной Македонии, Стипенка – деревня в Новгородской области.

Рассмотрим, как близкие по семантике «поле» и «степь» долгое время сосуществовали у русского населения и при смене уклада трансформировались. Почему плодородные черноземные степные земли Восточноевропейской равнины долгое время оставались без аграрного освоения? Неужели народы Руси не знали о плодородии черноземов? Знали и старались максимально использовать. Старт аграрного освоения этих земель по результатам спорово-пыльцевого анализа начался еще 2.5 тыс. лет назад.

Древнее слово «плье – п(О)лье» ходило в обращении еще до того как славяне распались на отдельные народности. Оно значило «открытое пространство», «полое пространство», образно – «свободная земля». На заре становления русской государственности «поле» трактовалось скорее как безлесное пространство, используемое соседями-кочевниками для переложной системы выпаса скота в многолетнем цикле. Причем, «дикое поле» юга Восточноевропейской равнины, Прикаспийской низменности и степного Предкавказья оставалось пространством «без городов» и государственных (племенных) границ. На севере оно ограничивалось зоной условно сплошных лесов, ставших основой для «лесосечной полосы», на востоке распространялось от Днепра до Волги. В статье 1152 г. Ипатьевской летописи так и записано «...вся Половецкая земля, что же их меж Волгою и Днепром...» (Сырнев, 1996).

Здесь вполне резонно вспомнить об идиоме «воля», имеющей то же значение, что и «поле» – «свобода» и их смысловая близость с понятием «степь». Тогда понятно, что народы Балтийской дуги и Восточноевропейской равнины – «поляне», «воляныне», «полабы», «палве» (пруссы) получили названия по результатам освобождения от чьей-то зависимости (например, многочисленных самостоятельных раннесредневековых «городов»), а не потому что «степные люди». Как лексема «открытая местность» «поле» (от общего корня «пла»), как и «степь», широко распространено в областях функционирования индоевропейских языков – планина, полонина, плоскость, пол (низина), пласт, плуг, плаха, плашка, пламя (от первичной семантики – индоевропейское «выжженная равнина», свободная от леса), plase, palase, playa, Polonia и др.

В «Слово о полку Игореве» читаем о «Диком поле» – «поле безводное», «конец поля половецко»,

«...поле незнаемое среди земли половецкия; черна земля под копыты...» (Слово ..., 1985, с. 408). В аграрном отношении «дикое поле» для славян во времена «Слова о полку Игореве» сохраняло привлекательность и уже осваивалось земледельцами. В поэме перечислены «степные» русские города: Новгород Северский, Путивль, Чернигов, Вырь, Переяславль. Показана и роль лесостепного Курска – как отправной точки похода князей на половцев.

Но если искать начало трансформации географического понятия и топонима «поля» в ландшафтное понятие «степь», то надо выделить период «вторичного» расселения славян из лесной зоны на юг в степь. Они исходно имели «степной» (и «лесостепной») менталитет, владели соответствующей лексикой, навыками и аграрным календарем. Недаром именно у восточных славян даже в лесной зоне преобразование (адаптация для жизни) ландшафта шло фронтально в направлении имитации ландшафта «лесостепи» в отличие от коренного лесного финно-угорского населения, которое под аграрное производство создавало внутри лесного массива «очаг освоения».

В цикле аграрной деятельности именно с момента выхода крестьян «в степь» происходит трансформация значения «поля» как нивы, пашни, элемента аграрных владений. Не «поле», а, наоборот, «степь» становится главным обозначением «свободной земли», не освоенной под аграрное производство, целины, «перелог» на черноземах. В середине XVI века с началом строительства Большой засечной полосы против воинственных кочевников «Дикого поля» и крымских татар начинается экспансия аграрного производства на безлесные черноземные земли. Засечная черта становилась не только оборонительным военным сооружением, но и государственным рубежом – границей, от которой начиналось освоение степных земель. Пограничные служилые Руси получали надел «степной» земли безвозмездно. Это существенно отличалось от того, как освоение «Дикого поля» происходило с запада польско-литовскими захватчиками. Т.н. «шляхетские вольности» в отношении колонизации степи по правобережью Днепра и в Причерноморье осуществлялись посредством строительства против турок и крымских татар крепостей, окруженных захваченными русскими селениями, которые разорялись первыми во время турецких и крымско-татарских набегов.

По этому вектору, в т.ч. у формирующегося на территории «Дикого поля» казачества, вторичного вовлечения термина «Степь» в повседневную практику аграрного бытования и трансформации его смыслового значения не могло случиться. Наличие в «Большом чертеже Московского государства», составленном как раз в 1552 г., топонимов, связанных со словом «степь», не служит основанием для связывания начала использования термина с возникновением казачества. Его описание – «Книга» (1838), изданная позже, в 1627 г., имела полное название «Книга Большому чертежу всему Московскому государству, городам, и Полю, и рекам, и всяким полевым именным урочищам». Она охватывала описание земель от Белого до Черного моря. «Поле» по-прежнему в ней именуется «полем», а под «полевыми именными урочищами» подразумевает казачьи степные «памяти» – поселения на Дону, Северском Донце, Айдаре, Деркуле, Тереке и других реках. В дальнейшем они стали крупными станицами и городками (Митякинская, Луганская, Старобельская, Беловодск, Острогожский, Трехизбенный, Райгородок). Старых топонимов, включающих основу «степь», здесь практически нет (кроме многократно упоминаемых в публикациях «Подстепных» проток на Тереке) – в степи сама степь не может быть ориентиром, но может стать уникальным объектом, достойным включиться в топоним при высокой аграрной освоенности земель (например, два села Степное в Запорожской области, Каменная степь в Воронежской, Стрелецкая и Казацкая степь в Курской и Ямская степь в Белгородской областях, Стрельцовская степь в ЛНР).

В связи с анализом трансформации понятия «поле» в «степь» на Восточно-европейской равнине следует вернуться к представлению о колонизации земель «внешней» и «внутренней» России, где главным двигателем перманентного освоения новых земель и там, и там выступал «крестьянин-земледелец. «Народная колонизация» земель (крестьянская, вольная, естественная) имела переселенческий характер – смена места жительства, переноса крестьянских традиций, терминологии и уклада в новые условия (Эткинд, 2022; Колиниченко, 2023). Степной юг России на момент старта вторичного освоения черноземов «Дикого поля» оставался «внутренней Россией», где двойного толкования слова «поле» и сохранения его топонимического звучания у крестьянина-земледельца быть не должно. Так слово «степь» стало больше, чем степной целиной, обрело современное ландшафтное понимание.

Индоевропейская основа понятия «степь»: время возникновения и распространения.

Для укрепления позиций в понимании транзита и распространения единого значения слова «степь» и сближения взглядов на это географов, лингвистов и историков потребовалось соединить результаты их исследований с результатами исследований генетиков по проверке «степной гипотезы» происхождении индоевропейцев. До недавнего времени гипотеза о нахождении прародины индоевропейцев оставалась одной из многочисленных гипотез о возникновении самих народов и общиндоевропейского праязыка (Клейн, 2015). Сохранение во всех индоевропейских языках основы (s)ter=tar – «быть плоским, ровным», «открытое ровное место» – только подтверждало это (Клейн, 2017). Даже у народов, которые в процессе расселения оказались вне степной зоны (например, жители лесной зоны), смысл термина не претерпел существенных изменений, а в случае вторичного их расселения в степные районы (например, восточные славяне) термин возвращался к исходным толкованиям.

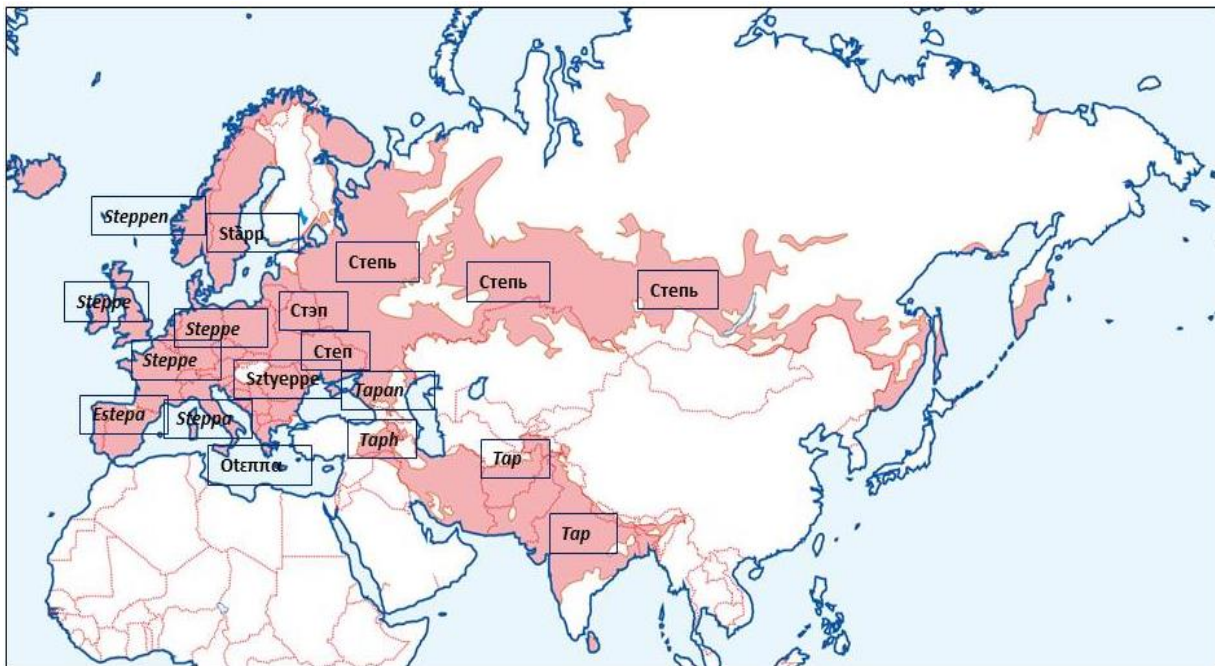
Сенсационную корректировку решения проблемы внесла геногеография. В последние годы спор лингвистов и историков шел между гипотезами о прародине индоевропейцев: (1) на Балканах, (2) в Малой Азии (Анатолии), (3) в понто-каспийских степях, (4) на Армянском нагорье, (5) в Зауралье. Все они имели мало доказательств. В 2015 году сразу несколько статей генетиков (Haak et al., 2015; Allentoft et al., 2015) решительно склонили чашу весов в пользу «степной гипотезы». Результаты исследований двух междисциплинарных (генетики, лингвисты, археологи) и многонациональных команд убедительно доказали приоритет «степной гипотезы». Было обнаружено сходство по генофонду населения культуры шнуровой керамики Европы с носителями ямной культуры раннебронзового века Восточно-европейских степей. Это можно рассматривать как свидетельство массовой миграции ямной культуры степей в Центральную и Северную Европу, где на этой основе сформировались культуры шнуровой керамики, всеми признаваемые как индоевропейские (Клейн, 2017; Haak et al., 2015; Allentoft et al., 2015).

Исследование, посвящённое этногенезу народов Европы и распространению индоевропейских языков, показывает, что степные мигранты заместили примерно 3/4 генов центральных европейцев (Haak et al., 2015). «Степная гипотеза» предполагает, что носители индоевропейского языка были скотоводами из степей Причерноморья и Прикаспийской низменности, их языки «пришли» в Европу после изобретения колёсных повозок, а степь стала источником индоевропейских языков около 4500 лет назад. Многие авторы связывают и миграции, и изменения в образе жизни народов Ямной культуры с аридизацией климата.

Нанесение на карту современного распространения (ареала) индоевропейских языков данных о распространении термина «степь» (рис.) в некоторой степени подтверждает «степную гипотезу» происхождения индоевропейских языков и их распространения в Европе, хотя не исключает случаев языкового обмена с соседними народами. Например, от иранских и хинди к тюркским языкам.

В журнале «Science» было опубликовано исследование Р. Heggarty с соавторами (2023), в котором сделана попытка примирения бытовавших у археологов, историков и лингвистов гипотез о прародине индоевропейских народов и языков. Реконструируемый праиндоевропейский язык существовал около 8 тыс. лет назад на Южном Кавказе, откуда носители его разных ветвей распространились по Евразии. Часть оказалась в Европе по анатолийскому маршруту, а другая, по видимому, через Понтийско-Каспийскую степь. Проведенный анализ подтвердил, что индоевропейские языки делятся на 10 основных ветвей: анатолийскую, тохарскую, албанскую (палеобалканскую), армянскую, греческую, индоиранскую, балто-славянскую, германскую, итальянскую и кельтскую (Heggarty et al., 2023). Во всех них прослеживается основа «tar, (s)ter» для обозначения плодородной, богатой ресурсами безлесной травяной равнины, где обитали предки индоевропейцев – собиратели, охотники, а позднее и земледельцы.

Практика применения слова «степь» в его архаичном формате зависела от наличия образа – соответствующего ландшафта с ксеро-мезофильной преимущественно злаковой растительностью. При расселении носителей индоевропейских языков происходила смена типа «вмещающего ландшафта». Например, для славяно-балтских и германских народов таковым стали леса центральной и восточной Европы. Потребовались тысячи лет преобразования лесных ландшафтов и «возвращение» на черноземный юг Русской равнины в процессе расселения, чтобы слово «степь» стало у славян вновь востребовано.

Рис. Ареал индоевропейских языков в Евразии и представленность в нем понятия «степь».

Выводы

Многочисленные, сделанные ранее попытки анализа возникновения и исторических трансформаций географического термина «степь» расширяли вовлекаемую лингвистическую и историческую базу, но не решали проблему. Большинство исследователей, начиная с Э.М. Мурзаева (1970) и комментариев А.А. Чибилева (1992), однозначно трактовали переход понятия от орографического в ландшафтный. Мы выявили спектр толкований, связанных с основой «степь», что подтверждает «степную гипотезу» генезиса индоевропейских языков.

В тысячелетней практике славянских языков на Восточно-Европейской равнине принципиально важным вопросом оказалась трансформация (взаимозамещение) терминов «степь» и «поле», которая стартовала при освоении целинных свободных земель «дикого поля» в XVI-XVII веках от Засечной полосы. Подтверждение этого мы нашли не в «Большом чертеже Московского государства» 1552 года среди топонимов, связанных со словом «поле», а в изданной позже «Книге к Большому чертежу» (1838). Однако в практике колонизаторов новых черноземных земель – крестьян-земледельцев – именно в XVI-XVII веках «степь» стала синонимом целинных, не вовлеченных в аграрное производство земель, а термин «поле» – синонимом пашни и нивы.

Наконец, соединение геногеографической, этнографической, археологической и историко-лингвистической информации в рамках географической интерпретации «степной гипотезы» возникновения и формирования индоевропейской общности народов Евразии и их расселения в Европу проведено международными междисциплинарными коллективами, включая исследователей из России (Naak et al., 2015; Neggarty et al., 2023). Они подтвердили древность языка и степной терминологии даже для лесных территорий, где степь в процессе расселения отсутствовала. Реликтовый характер термина в итоге позволил ему на разных этапах становления языка трансформироваться в другие области применения либо сохранить свое исходное значение.

Можно надеяться, что представленные результаты анализа помогут исследователям степей в понимании их природы, а также в нахождении единых основ для развития международного сотрудничества в разных сферах изучения и в практике сохранения степной биоты и экосистем.

Финансирование. Статья подготовлена по теме госзадания Института географии РАН № FMWS 2024-0007.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бушаков В.А., Дрогобич Н.Е. 2003. О происхождении ландшафтного термина Степь // Материалы III Международного симпозиума «Степи Северной Евразии: Эталонные степные ландшафты». Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ». 607 с.
- Даль В.И. 1863. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. М.: Изд-во Общества любителей Российской словесности. 627 с.
- Герберштейн С. 2008. Записки о Московии: в 2-х т. Т. 1: Латинский и немецкий тексты / Ред. А. Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли. 776 с.
- Клейн Л. 2015. Археологическая основа степной гипотезы происхождения индоевропейских языков: критический взгляд [Электронный ресурс https://xn--c1accbaafalc.xn--plai/?page_id=4424 (дата обращения 6.01.2025)].
- Колниченко В.С. 2023. Внутренняя колонизация России // Молодой ученый. № 5 (452). С. 63-68.
- Левыкин С.В., Казачков Г.В., Левыкина Н.П. 2024. Развитие представлений о степной терминологии на примере гипотезы происхождения термина степь // Вопросы степеведения. № 3. С. 4-11.
- Меркулова В.А. 1968. Заметки из истории и этимологии слов // Этимология. М. С. 79-91.
- Мурзаев Э.М. 1970. Местные географические термины и их роль в топонимии // Вопросы географии. № 81. С. 16-35.
- Мурзаев Э.М. 1974. Очерки топонимики. М.: Мысль. 384 с.
- Мурзаев Э.М. 1984. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль. 656 с.
- Одерборн П. 2024. Жизнь Ивана Васильевича, великого князя Московии / Ред. В.В. Рыбаков, А.И. Филюшкин, Д.Г. Хрусталёв. С.-Пб.: Наука. 439 с.
- Олеарий А. 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // Введение, перевод, примечания и указатель А.М. Ловягина. С.-Пб.: Изд-во А.М. Суворина. 582 с.
- О происхождении ландшафтного термина степь. 2024 [Электронный ресурс <https://orensteppe.org/content/o-proishozhdenii-landshaftnogo-termina-step> (дата обращения 12.12.2024)]
- Слово о полку Игореве. 1985 // Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука. 415 с.
- Клейн Л. 2017. Степная прародина индоевропейцев как гипотеза [Электронный ресурс https://генофонд.рф/?page_id=24226 (дата обращения 12.12.2024)].
- Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряде и списанная в книгу 1627 года. 1838. 2-е изд. С.-Пб. 261 с. [Электронный ресурс https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/c6/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0_%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%BE%D0%BC%D1%83_%D1%87%D0%B5%D1%80%D1%82_%D0%B5%D0%B6%D1%83_%281838%29.pdf (дата обращения 12.12.2024)].
- Сохранение степей в России. 2015 [Электронный ресурс <http://savesteppe.org/ru/steppe/> (дата обращения 12.12.2024)].
- Сырнев И.П. 1996. Путь игоревой рати. М.: ЛА Варяг. 84 с.
- Фасмер М. 1986. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс. Т. 3. 831 с.
- Хижняк О.С. 2008. Ступа: начало формирования буддийского культа. С.-Пб.: Изд-во СПбГУ. 274 с.
- Чибилев А.А. 1990. Лик степи: эколого-географические очерки о степной зоне СССР. Л.: Гидрометеиздат. 192 с.
- Чибилев А.А. 1992. Экологическая оптимизация степных ландшафтов. Свердловск: УрО АН СССР. 172 с.
- Чибилев А.А. 1998. Степи Северной Евразии. Екатеринбург: УрО РАН. 192 с.
- Этимологический словарь русского языка. 1989. 2-е изд. / Ред. Г.П. Цыганенко. Киев. 513 с.
- Эткинд А. 2022. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение. 448 с.
- Allentoft E. 2015. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. Vol. 522. P. 167-172.
- Bielski M. 1957. Kronika polska. Kraków. 830 p. [Электронный ресурс <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/doccontent?id=230623> (дата обращения 12.12.2024)].
- De Beauplan G.L. 1660. Description d'Vkraine, qui sont plusieurs prouinces du royaume de Pologne. Contenuës depuis les confins de la Moscouie, iusques aux limites de la Transilvanie. 112 p. [Электронный ресурс [https://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File:Description_d%27Vkraine,_qui_sont_plusieurs_prouinces_du_royaume_de_Pologne._Contenu%C3%ABs_depuis_les_confins_de_la_Moscouie,_iusques_aux_limites_de_la_Transilvanie._-_Ensemble_leurs_moeurs_\(IA_descriptionvkra00beau\).pdf&page=7](https://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File:Description_d%27Vkraine,_qui_sont_plusieurs_prouinces_du_royaume_de_Pologne._Contenu%C3%ABs_depuis_les_confins_de_la_Moscouie,_iusques_aux_limites_de_la_Transilvanie._-_Ensemble_leurs_moeurs_(IA_descriptionvkra00beau).pdf&page=7) (дата обращения 12.12.2024)].
- Guagnini A. 1578. Sarmatiae Europae descriptio, quae regnum Poloniae, Lituaniam, Samogitiam, Russiam, Masouiam, Prussiam, Pomeraniam, Liuoniam, & Moschouiae, Tartariaeque partem complectitur. Alexandri Gwagnini Veronensis, equitis aurati, peditumque praefecti, diligentia conscriptae. 426 p. [Электронный ресурс

https://archive.org/details/bub_gb_ULz4bTnQRRoC/page/n13/mode/2up (дата обращения 12.12.2024)].

Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy E., Economou C., Francken M., Friederich S., Pena R.G., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kunst M., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S.L., Risch R., Guerra M.A.R., Roth C., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt K.W., Reich D. 2015. Massive migration from steppe was a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. Vol. 522. P. 207-221.

Heggarty P., Scarborough M., King B., Bouckaert R., Jocz L., Kümmel M.J., Jügel T., Irslinger B., Pooth R., Liljegren H., Richard F. Strand, Haig G., Macák M., Kim R.I., Anonby E., Pronk T., Belyaev O., Dewey-Findell T.K., Boutilier M., Freiberg C., Tegethoff R., Serangeli M., Liosis N., Stroński K., Schulte K., Gupta G.K., Haak W., Krause J., Atkinson Q.D., Greenhill S.J., Kühner D., Gray R.D. 2024. Language trees with sampled ancestors support a hybrid model for the origin of Indo-European languages // *Science*. Vol. 381. No. 6656. Article No. eabg0818.

Jerlicz J. 1853. *Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza*. Vol. 1. 187 p.; Vol. 2. 213 p. [Электронный ресурс <https://pbc.biaman.pl/dlibra/publication/1687/edition/1555/content> (дата обращения 12.12.2024)].